

Гролом прокатились аплодисменты. В то же мгновение у входа в горную обитель разлилось радужное сияние: у подножия лестницы, склонив головы, замерли величественные белые тигры, а в небесной вышине пронзительно закурлыкали белоснежные журавли — вестники добрых знамений. Вэнь Цзиньлуань во главе своих учеников парила на мечях высоко в облаках, сплетая заклинания в честь победителя испытания.

В центре внимания оказался Син Яньчжу, о чьих талантах уже всюду перешептывались в толпе. Несмотря на выдающиеся способности, три дня изнурительных испытаний не прошли для юноши бесследно: он выглядел измотанным, мужественное лицо смертельно побледнело, а губы совсем обескровели.

Все эти три дня каждый встречный был врагом. Юноша держался из последних сил, изводя себя вечной настороженностью, и лишь теперь, заведя у входа в орден знакомый силуэт, позволил себе расслабиться. Син Яньчжу просиял, и он, невольно ускорив шаг, прихрамывая, поспешил к Лю Цинсяню.

Тот, разумеется, тоже заметил его. Втайне восхитившись тем, что главный герой оправдывает свой статус, Лю Цинсянь одарил его одобряющей улыбкой и коротким кивком.

От бывшего холода и подозрительности в поведении Син Яньчжу не осталось и следа. Сбросив груз напряжения, он уже готов был расплыться в ответной улыбке, как вдруг...

В следующий миг он замер. Лю Цинсянь отвел взгляд и снова стал напряженно вглядываться в сторону Лестницы Вопросания Дао, будто нарочно поджидая кого-то другого.

Улыбка Син Яньчжу застыла.

Он прекрасно понимал, кого ждет Лю Цинсянь. В постоялом дворе он со стороны наблюдал за схваткой и видел, как слаженно действовали пиковый лорд и этот маленький полудемон.

Этот полудемон ничем не отличался от него самого — оба они были для заклинателя случайными встречными. Но лишь потому, что мальчишку обнаружили первым, он без малейших усилий завладел доверием и заботой этого человека.

Во время боя Лю Цинсянь, не колеблясь, следовал указаниям ребенка, даже если они были ошибочными. А в минуту опасности, ни секунды не раздумывая, прижал его к груди, готовый скорее погибнуть сам, чем дать его в обиду.

Тот полудемон не сделал ровным счетом ничего... и все же получил такого прекрасного наставника. Единственного.

Какая завидная удача.

Взгляд Син Яньчжу потяжелел, в глубине души заворчалось что-то темное и холодное. Юноша еще не знал, как назвать это чувство, но инстинкт самосохранения подсказывал: если он сейчас проявит эту тень, ничего хорошего его не ждет.

Поэтому в следующее мгновение он тщательно скрыл свои мысли и смиренно поклонился ученикам ордена Линьцан, которые не смолкали, приветствуя его.

Дао Сяово, вольготно развалившись в кресле на почетном помосте, прижимал к груди свою саблю Динхоу.

— Способный малый, — бросил он прямо. — Но чутье подсказывает, что мы с ним не сработаемся.

Пэй Нинъюнь, отношения с которым у Дао Сяово всегда были натянутыми, холодно усмехнулся:

— Чутье? Уж не звериные ли инстинкты заговорили?

Дао Сяово разгневался и бросил на оппонента испепеляющий взгляд.

Вэнь Цзиньлуань вовремя вмешалась, охладив пыл обоих коротким, веским замечанием:

— Вы братья по ордену, споры здесь неуместны.

Пэй Нинъюнь готов был спорить с кем угодно, но пасовал перед строгим взглядом Вэнь Цзиньлуань. Заметив в ее взгляде предупреждение, он тут же замолчал.

Глава ордена Цзи Сяочжун, восседавший выше всех, лишь покачал головой, глядя на перепалку соратников, и снисходительно улыбнулся.

Он поднялся и неспешно подошел к краю платформы. Едва он вскинул правую руку, как разлитая в горах духовная энергия мириадами звезд устремилась к нему, соткав в ночном небе сияющий Млечный Путь. Серебристый свет озарил горные врата, ложась на лица присутствующих мягким лунным отблеском.

— В ордене Линьцан издавна заведено правило, — звучный голос Цзи Сяочжуна заставил толпу мгновенно смолкнуть. Все почтительно склонили головы. — Ученик, занявший первое место в испытании, имеет право войти во внутренние врата Пика Линьшуан и обучаться под личным руководством Главы. Однако...

Цзи Сяочжун с улыбкой посмотрел на Син Яньчжу:

— У тебя есть право выбора. Я слышал, что в городе Иньфэн тебя спасли пиковый лорд Вэнь Цзиньлуань и пиковый лорд Лю Цинсянь. У Цзиньлуань обучаются лишь девушки, тебе там будет не слишком удобно. Но если ты чувствуешь родство с Цинсянем, то можешь выбрать обучение на его Пике Линсюэ.

Лю Цинсянь, услышав это, едва не прослезился от благодарности.

«Смотри! — мысленно обратился он к системе. — Глава Цзи не зря здесь за главного! Настоящий папа-Автор, какой пронизательный и справедливый!»

Система едва не плюнула ему в лицо:

«Это обычная вежливость, а ты уже размечтался. Посмотрим, захочет ли главный герой к тебе в ученики, если ты сам не начнешь его уговаривать».

Как раз в этот момент среди наиболее смелых учеников поползли шепотки:

— Тут и думать нечего, надо идти к Главе. Он в возрасте двадцати лет уже прославился на весь мир. А шишу Лю... при всем уважении, кроме того, что его ученики вкусно готовят, он ничем особо не отличился.

— К тому же техника меча Тунчэнь, которой владеет Глава, не знает равных. Доведенная до совершенства, она безупречна и в атаке, и в защите. Шишу Лю просто нечему его учить.

Лю Цинсянь: «...»

Он напустил на себя суровый вид, притворившись, что ничего не слышит, но не мог игнорировать издевательский хохот системы в своей голове.

Среди присутствующих были и те, кто сопровождал Лю Цинсяня в Иньфэн. Они видели мощь его меча (пусть и полученную с помощью чита), и потому пытались было возразить, но, почувствовав общее настроение, предпочли промолчать.

Дао Сяово нетерпеливо постучал пальцем по ножнам и кашлянул. Толпа тут же притихла.

Син Яньчжу наверняка слышал всё, что говорили вокруг.

Низко склонив голову, он скрывал выражение лица. Перед ним стоял непростой выбор. То, как Лю Цинсянь обходился с Инь Сюань, вызывало зависть, но в таком деле, как культивация, ошибка могла стоить будущего. Когда он сможет достичь вершин? Когда отомстит за семью?

Выбрать того, кто добр и надежен? Или того, кто силен и могуществен?

С одной стороны — мягкая, теплая улыбка Лю Цинсяня. С другой — сокрушительная мощь техник Цзи Сяочжуна.

Син Яньчжу стиснул зубы и, повернувшись к Главе, совершил земной поклон:

— Прошу Главу обучить меня искусству истребления скверны и наставить на путь спасения всех живых существ!

Толпа учеников разразилась ликующими возгласами.

Лю Цинсянь не проронил ни слова. Он лишь смотрел, как Син Яньчжу, даже не взглянув в его сторону, уверенно вступает под покровительство Главы.

Он слегка улыбнулся, не чувствуя ни капли обиды. Все важные слова были сказаны еще в финале их прошлой жизни — их общая судьба на этом исчерпана. То, что Син Яньчжу выбрал этот путь, было разумно и логично. Жалеть было не о чем.

Лю Цинсянь отвернулся от ликующей толпы и снова стал всматриваться в безмолвную даль Лестницы Вопросания Дао.

«Доберись хотя бы до ворот...» — думал он о тяжелораненом Инь Сюаньи, и сердце его сжималось от тревоги.

— Смотрите! Второй идет!

Зеркальный нефрит Цзиньюй у ворот, подобно огромному экрану, вывел изображение претендента, который, спотыкаясь, из последних сил бежал к цели.

Толпа, жадно ждавшая зрелищ, вдруг притихла, раздались недоуменные возгласы:

— Что у него с глазами?

— Один синий, другой черный... Это же глаза полудемона!

Сердце Лю Цинсяня пропустило удар. Он бросился к магическому экрану и увидел Инь Сюаньи — мальчик буквально полз вверх по ступеням, цепляясь за камни руками и ногами!

В книге «Апокалипсис Небесного Демона» автор лишь вскользь упоминал прошлое Инь Сюаньи. Рано лишившись родителей, он долгие годы скитался, отвергнутый людьми и не

принятый демонами.

Поэтому в их первую встречу в Иньфэне Лю Цинсянь не удивился худобе и изможденности ребенка. В том переулке, залитом кровью, он взял Инь Сюань за руку и почувствовал лишь сухую, ломкую веточку — казалось, сожми чуть сильнее, и она сломается.

И сейчас эти тонкие кости отчетливо выступали под бледной кожей, перекатываясь под натяжением мышц, словно сплетение корней, пока мальчик упорно полз вперед.

Ловушки на лестнице явно дались ему дорогой ценой: одежда была изорвана колючками в клочья, сквозь которые виднелись кровавые борозды. Рана на лице, нанесенная ранее, снова открылась, и из-под повязки сочилась кровь.

Он казался таким маленьким и незначительным, что магический кристалл едва улавливал его фигуру. Но когда мальчик резко вскинул голову и посмотрел прямо в сторону наблюдателей, у всех перехватило дыхание.

Ярко-синий огонь в его глазу, словно лезвие, прорезал ночную тьму, заставляя сердца присутствующих сжаться.

Другие чувствовали страх и отвращение, Лю Цинсянь — лишь щемящую жалость и нежность.

«Он так старается... потому что помнит наше обещание».

От этой мысли к горлу подкатил комок. За три жизни — свою и две здесь — он впервые чувствовал, что кто-то настолько доверяет ему, настолько дорожит его словом.

«Система, теперь я точно знаю: это самое правильное решение за все мои бесконечные метания».

Система на мгновение замолчала, а затем хмыкнула:

«Смотри не забудь, в чем заключается твоя миссия...»

— Знаю, знаю, — Лю Цинсянь впервые после всех неудач первой жизни искренне рассмеялся.
— Я выполню задание, не сомневайся. У меня есть план.

Система издала недоверчивый звук, но, видя его редкое умиротворение, не стала портить момент и вместе с ним принялась ждать появления ребенка.

Маленькая фигурка была уже совсем близко. Даже те, кто питал предубеждение к его

происхождению, не могли не восхититься железной волей этого мальчика. Лестница Вопрошания Дао испытывает не только тело, но и разум — призрачные мороки нашептывают сомнения, сбивают с пути. Но этот ребенок шел вперед без тени колебания.

— Он пришел!

Лю Цинсянь сделал шаг навстречу и увидел, как Инь Сюаньши, переступив порог ворот, бросился прямо к нему!

Сердце заклинателя растаяло. Едва мальчик оказался рядом, Лю Цинсянь крепко прижал его к себе.

— Я... я сделал это! — прерывистое дыхание Инь Сюаньши опалило ухо Лю Цинсяня, но голос ребенка звенел от восторга.

У Лю Цинсяня защипало в глазах.

— Раны снова открылись... Глупый ты, зачем же так убиваться? Тебе нужно было просто дойти до конца.

Инь Сюаньши чуть отстранился и посмотрел на него сияющими глазами:

— Но если бы я не попал в первую двадцатку, я бы не смог стать вашим учеником.

Лю Цинсянь, который до этого всерьез подумывал о том, как бы устроить мальчишку «по благу», почувствовал острый укол стыда.

Инь Сюаньши покосился на Син Яньчжу, за которым наблюдала вся толпа, и голос его чуть упал:

— И еще... я не хотел позорить вас. Жаль только, что не стал первым.

Лю Цинсянь уже открыл рот, чтобы утешить его, но Инь Сюаньши вдруг застенчиво улыбнулся.

— Значит... теперь я могу звать вас Учителем?

Лю Цинсянь долго смотрел в его лицо, а затем, скрывая волнение, опустил взгляд и, оторвав полоску ткани от своего широкого рукава, принялся бережно перевязывать рану на руке мальчика.

— Конечно, — мягко ответил он. — С этого дня мы наставник и ученик. И мы никогда не расстанемся.

Инь Сюаньши облегченно выдохнул. Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент над помостом, подобно удару грома, прогремел яростный окрик:

— Что это у тебя на запястье?!

<http://bllate.org/book/17557/1709589>